

*Ирина Васильевна СКИПИНА —
доцент кафедры документоведения,
историографии и источниковедения
факультета истории и политических
наук ТюмГУ*

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОЦИАЛЬНОЙ АТМОСФЕРЕ В РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В историографических сочинениях уделяется серьезное внимание анализу публикаций, в которых нашла отражение социальная обстановка в России в период Гражданской войны. Их авторы рассмотрели степень изученности соотношения общественных сил на каждом из этапов борьбы, отметили новые подходы к анализу проблемы. Историографы положительно оценили введение в научный оборот новых источниковых данных. При этом важную роль они придают докладам о политических настроениях, персональным делам, данным не только из центра, но и «из глубинки», в том числе неофициального характера и личного происхождения, позволяющим уловить частный взгляд граждан на происходившие события.

Исследователи, говоря о социальной атмосфере периода Гражданской войны, согласились со многими оценками, данными ей современниками событий. Стало вновь актуально мнение П. Сорокина о том, что война потребовала повиновения, душила личную свободу, отрывала от труда, а следствием войны стало «оголение человека от всякого культурного поведения», и «пищетаксис толкал голодных к захвату, разделу... «коммунизации» богатств, как к единственному средству утоления голода»¹. Гражданский конфликт, по мнению философа, имел место из-за быстрого и коренного изменения высших ценностей и несоответствия этих ценностей у революционеров и контрреволюционеров.

Сегодня авторы учитывают и то, что население России в рассматриваемый период было молодым. Это связано с демографическим взрывом, произошедшим в стране в конце XIX века. Молодежь быстрее, чем зрелые люди, отзывалась на массовые действия, которые нередко сопровождались большими жертвами. Если в период Первой мировой войны рост смертности обуславливался числом убитых и раненных на фронте, то в период Гражданской войны ситуация оказалась неблагоприятной для мирных граждан. В Перми, например, в 1920 г. на 1000 рождений приходилось 211,1 смертей². В Тюмени за пять месяцев, с 1 ноября 1922 по 1 марта 1923 г., родились 527 детей, а умерли 1651 человек³. Население Екатеринбургской губернии за период 1917-1921 гг. убыло на 2 млн. человек⁴. По данным ученых, за 1913-1922 гг. население России сократилось на 13-16 млн. человек, только в 1917-1923 гг. страна потеряла 8 млн. человек⁵. Гражданская война, считают ученые, имела начало в Первой мировой войне и двух революциях, явилась результатом объективно сложившейся обстановки. Внутренне противоборство стало возможным из-за милитаризации сознания, обусловленной длительным пребыванием общества в состоянии или на «границе» войны. Атмосфера пропиталась войной и

¹ Сорокин П. А. Голод и идеология общества // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 378, 379.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. 1900-1939. М., 2000. С. 100.

³ ГАТО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 194. Л. 15-15 об.

⁴ Население России в XX веке. ... С. 98.

⁵ Данилов В. За что погибли 16 миллионов россиян // Родина. 1990. № 10. С. 19; Земсков В. К вопросу о масштабе репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. с. 118-127; Здоров А. Гражданская война: потери населения: опыт сравнительного анализа // Свободная мысль. 1999. № 10. С. 115-122.

отличалась взрывной психологией, крайней политизацией. В гражданскую среду проникали настроения комбатанта, библейские заповеди и христианская мораль отрицались, появилась классовая ненависть, утвердился лозунг «Грабь награбленное!». Это происходило, утверждают авторы, на фоне усталости населения, нехватки «всего и вся», нестабильности общественного и личного положения. В массовом сознании радикализм взял верх, граждане разделились на «своих» и «чужих»¹. Мировая бойня и интенсивная модернизация страны привели к дискомфорту, коренной ломке привычных взаимосвязей человека и общества, положили начало формированию новой, более жесткой модели социума, с четко очерченными идеалами и целями.

Население стало объектом государственного политико-психологического воздействия, и это дало эффект нового поведения². С. В. Рыбаков обратил внимание на то, что лозунг «Кто был ничем, тот станет всем!» на фоне падения уровня жизни и желания достичь социальной справедливости находил поддержку в среде трудящихся. В коллективном мировоззрении возобладало стремление к установлению равноправия любой ценой, к актуализации проблем простого народа, на которые власть долгое время не обращала должного внимания. В. П. Булдаков считает, что «психоментальный процесс», «историю людских душ» необходимо рассматривать особенно обстоятельно.

Исследователи заметили раскол в общественном мировоззрении под воздействием большевистской интернациональной и белой национальной идеи. И белые, и красные пропагандировали свое, специфическое мировосприятие. Для белых это русский национализм, для красных — интернационализм. В. П. Булдаков поддерживает мысль о столкновении двух революционных потоков — интернационально-пролетарского и национально-крестьянского, которое больно отразилось как на активных участниках войны, так и на гражданах, стремящихся остаться в стороне от политической борьбы³. А. В. Квашонкин и А. Я. Лившин говорили о массовом сознании как фрагментарном, подвижном, в котором брала верх то одна, то другая идея⁴. А. Я. Лившин отмечал, что людям был свойственен динамизм поведения, быстрая смена настроений⁵. В провинции, где традиции оказались более сильными, борьба за

¹ Майн М. Гражданская война, ее неизбежность и особенности в России // Гражданская война в России: Материалы 10-й Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1998. С. 57; Бакулин В. И. Насилие как компонент государственной политики: Большевизм в Прикамье (конец 1917–середина 1918 г.) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 171–179; Булдаков В. П. Россия на изломе мировой истории // Вестник высшей школы. 1990. № 10. С. 57–67; Он же. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1996. С. 62–69; Он же. Красная смута. Три рода и последствия революционного насилия // Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 14–15.

² Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45; Колоницкий Б. И. Антибуржуазийная пропаганда и «антибуржуазное сознание» // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27; Харченко К. В. Праздничные мероприятия большевиков и массовое сознание (1918–1920 гг.) // Сб. научн. тр. Белгород, 1999. Кн II. С. 118–11; Рыбаков С. В. История России: вторая половина XIX–XX вв. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 49.

³ Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи: Методологический аспект // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 4–17; Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 49.

⁴ Квашонкин А. В., Лившин А. Я. Постреволюционная Россия (проблемы социально-политической истории 1917–1924 гг.). М., 2000. С. 128, 199.

⁵ Лившин А. Я. Гражданское конституционное сознание: обладало ли им советское общество в годы гражданской войны и Нэпа // Отечественная история. 2001. № 4. С. 95, 124.

демократию для граждан не имела особой значимости, а западная модель общества не являлась самоцелью. В то же время рыночное хозяйство, указывают исследователи, являлось для значительной части населения важным критерием независимости, за который предприниматели, в том числе и крестьяне, готовы были бороться¹. Авторы обратили внимание на противоречивое восприятие в российском менталитете традиционного и либерального понимания свободы. Сегодня ученые сдержанно оценивают перспективу российской демократии не только из-за непопулярности в стране либеральных идей, но и из-за невозможности их реализации в условиях жесткого противостояния.

В обыденном сознании война стала столкновением красных и белых, но спектр противоборствующих сил являлся более широким. Исследователи считают военное противостояние результатом глубокого гражданского раскола, распространившегося по всей социальной пирамиде с огромной быстротой и приведшего к трансформации самосознания больших групп людей². В. П. Булдаков утверждал, что народ России разделился не по классовому признаку, а из-за неоднозначности оценок происходивших событий. А. Ахиезер подчеркивал, что по одну сторону встали европеизирующиеся элиты, а по другую — крестьяне-общинники. Главный конфликт Т. Шанин так же видел в противоречиях между городом и деревней, которые не удалось преодолеть в ходе революции и Гражданской войны³.

О. С. Поршнева отмечала в мировоззрении крестьян существенные изменения, дошедшие до самых глубин сознания, что и определило поведение крестьянства. Деревня

¹ Кабанов В. В. Влияние войн и революций на крестьянство // Революция и человек — социально-психологический аспект. М., 1996. С. 142-159; Суворова Л. Н. «За фасадом «Военного коммунизма» // Отечественная история. 1993. № 4; Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918-1922 гг. // Вопросы истории. 1994. № 3; Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть в период Гражданской войны (1917-1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002. С. 211.

² Поляков Ю. А. Гражданская война: последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. 1992. № 4; Зайцев А. А. Изменения в социальной психологии казачества в годы Октября и гражданской войны // Человек и его время. М., 1991. С. 139-141; Кузнецов И. С. Советский тоталитаризм: Очерки психоистории. Новосибирск, 1995; Он же. Слепление или прозрение? Социальная психология россиян в 1920-е гг. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII-XX вв.): Бахрушинские чтения. 1998.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 138-158; Миллер В. И. Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны: К постановке проблемы // Из истории революции в России (первая четверть XX в.) Томск, 1996. Вып. 1. С. 49-56; Ямщиков С. В. Милитаризация российского общества как фактор гражданской войны // Гражданская война в России: Материалы 10-й Всероссийской заочной научн. конференции. СПб., 1998. С. 29-31; Шиловский М. В. Воздействие Первой мировой войны на общественно-политическую жизнь Сибири // Электронный журнал «Сибирская заимка». Сибирское отделение РАН. Новосибирск, 1999: <http://www.zaimka.ru>; Он же. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири (XVII-XX в.): Бахрушинские чтения НГУ. 1996. Новосибирск, 1998; Третьяков Н. Г. «Революционный авангард» в действии: к проблеме социально-психологических предпосылок утверждения в России коммунистического режима (на материалах Тюменской губернии 1920-1921 гг.) // Словцовские чтения-99. Тюмень, 1999. С. 144-146.

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: Социокультурная динамика России. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997; Булдаков В. П. Гражданская война как апогей социокультурного раскола // Гражданская война и культура. М., 1996. С. 6-9; Он же. К изучению психологии революционной эпохи: Методологический аспект // Революция и человек... С. 9; Shanin T. The Awkward class Political sociology of peasantry in a developing society: Russia 1910-1925. Oxf., 1972. P. 168-169.

не могла смириться с формированием архетипа крестьянина–коллективиста, лишённого индивидуального хозяйства. Л. Данилова, В. Данилов уверены, что советские преобразования способствовали архаизации деревни¹. Исследователи указали на то, что предпринимательская жилка у крестьян все-таки еще оставалась². Это особенно ярко проявилось в период господства белых, разрешивших рынок. В целом деревенские жители в условиях войны теряли заинтересованность в результатах труда, впадали в апатию, обусловленную бесперспективностью сельскохозяйственных занятий.

Граждане опасались репрессий, которые применяли воюющие стороны. Признание «революционного террора» по отношению к классовым врагам сопрягалось с недопустимостью подобных действий по отношению к близким людям³. Террор усиливал напряжение в обществе. Усугубило ситуацию принятие 5 сентября 1918 г. СНК РСФСР постановления «О красном терроре». Согласно постановлению, можно было расправляться с противниками большевиков по законам «революционной совести». Пострадавшими от красного террора считаются 1,5 млн. человек⁴. В. Шамбаров уверен, что «красный террор» имел государственный характер и подкреплялся классовой теорией. Он не отрицает и факты «белого террора», отмечая мощные вспышки репрессий против красных во время антибольшевистских восстаний в конце Гражданской войны, в период «партизанской фазы» войны, когда фронты оказались «размыты», и отступавшим белым уже

¹ Поршнева О. С. Российский крестьянин в Первой мировой войне (1917- февраль 1917) // Человек и война. М., 2001. С. 190-195; Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 22, 31-32; Буховиц О. Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Там же. С. 228-237; Корушин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Там же. С. 115-123; Телицын В. Л. Октябрь 1917 и крестьянство: поведенческий императив и крестьянская обусловленность // Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 145-153; Вронский С. Г. и др. Большевицкий режим и крестьянство России в первой трети XX в. М., 1994.

² Алексеева В. Г. Денежное обращение в годы гражданской войны // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск, 1990. С. 72-77; Коган Л. Л. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 122-134; Курышев И. В. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998; Латов Ю. В. Теневая экономика времен гражданской войны — общее и особенное // Теневая экономика: экономический и социальный аспекты: Проблемно-тематический сб. М., 1999. С. 92-102; Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения: 1914-й (На материалах Тобольской губернии) // Исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып IV. С. 53-61; Рынков В. М. Налоговая политика контрреволюционных правительств Сибири (июнь 1918-1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. Вып 1. С. 65-95; Светачев М. И. Белогвардейцы и интервенты и их программы создания новой России (1918-1920 гг.) // Актуальные проблемы современной цивилизации. Хабаровск, 1996. С. 87-101; Хазиев Р. А. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917-1921 гг. Уфа, 2000.

³ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922. Казань, 1992; Степанов А. И. Социокультурные и психологические последствия массового террора. 1918-1922 гг. // Гражданская война и культура. М., 1996. С. 47-50; Медведев А. В. Историческая логика развития красного и белого террора в годы гражданской войны // Дискуссионные проблемы российской истории. Арзамас, 1998. С. 281-283; Снигирев С. Ф. О «красном» и «белом» терроре // Гражданская война в России: Материалы 10-й Всерос. заочн. науч. конф. СПб., 1998. С. 23-25; Родионенко А. Г. К вопросу о красном и «белом» терроре в годы гражданской войны в России (1917-1920 гг.) // Там же. С. 23-28; Дементьев Б. Т. Красный и белый террор в годы гражданской войны (1918-1920 гг.) // История и террор: Материалы межвуз. научн. конф. Пермь, 1998. С. 27-28; Посадсков А. Л. «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах гражданской войны в Сибири (Опыт сравнения объективных характеристик) // Вестник Омского ун-та. 1999. С. 99-104.

⁴ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России (1917-1922) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 55.

не удавалось держать ситуацию под контролем¹. Ничем не оправданная жестокость, считает В. П. Булдаков, отталкивала от белых население, создавала дополнительные трения между военной и гражданской администрацией. Кроме того, замечает ученый, у белых не сложились отношения с местными националистами. В конце концов, они оказались вне общественной поддержки, превратились в сообщество партизанствующих молодчиков, что и предопределило их поражение. Ярким проявлением народного протеста стали дезертирство из частей белых и акты массового неповиновения властям. К весне-лету 1919 г. в общественном мнении взяла верх идея поддержки пролетарской диктатуры, обещавшей работу, стабильность, улучшение материального положения, что во многом обеспечило успешное продвижение Красной Армии и, в конечном итоге, ее победу над белогвардейцами.

Война, считают многие исследователи, негативно отразилась на духовно-нравственном облике людей. Не случайно после каждой войны возрастал уровень преступности, росла бездуховность². К деклассации фронтовиков добавилась, считают исследователи, деклассация тыловая, вызванная войной, безработицей, разрухой, которая привела к глубоким изменениям в обществе. Города оставались центрами общественной жизни, но городской социум стал структурнее, а его порядки более жесткими. В городах преобладали военные, советские служащие и рабочие, было много приезжих. Значительная часть горожан сложила головы на фронтах, других голод выгнал в деревню³. Революционные перемены сопровождались «выбросом» огромного количества маргиналов. В. Булдаков подчеркивал, что им был свойственен особый экстремизм, обусловленный потребностью самоидентификации. Значительную их часть, считает С. В. Ямщиков, составили бывшие военные. Маргиналы представляли серьезную опасность для власти. В их среде были нередки факты преступности, уголовного бандитизма, деструктивного поведения. Маргинализация населения, размытость социальных групп, характерных для дореволюционного времени, разобщенность производственных коллективов, связанная с ростом безработицы, потеря заинтересованности в результатах своего труда воздействовали на массовое сознание, придавая ему мировоззренческую неопределенность и неустойчивость. Враждебность к большевикам испытывали целые социальные слои — бывшие дворяне, предприниматели, духовенство, офицеры, казаки, да и просто не согласные с коммунистами граждане.

Одной из причин успокоения народа стал голод, который не только утомлял, но и заставлял поворачиваться к власти, выдающей хлебные карточки⁴. Большевикам удалось превратить страну в единый военный лагерь с атмосферой «осажденной крепости», в которой настроения граждан менялись с осени 1919 г. не в пользу красных. Это проявилось в нежелании граждан помогать голодающим районам страны, в дезертирстве из Красной Армии, в пассивности по отношению к общественным мероприятиям, в нарастании «обывательских настроений», которые вылились в конце 1920—начале 1921 г. в экономические и политические требования.

¹ Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М., 2002. С. 531-533.

² Серебрянников В. В. Войны России: Социально-политический анализ. М., 1998. С. 95-96; Попов Н. Н. Человек в российских войнах XX века // Человек и война. М., 2001. С. 33-35; Константинов С. И. Влияние взаимосвязи мировой и гражданской войн на психологический раскол российского общества // Там же. С. 181-182; Сенявская Е. С. Человек на войне: Опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 15; Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Там же. С. 55-57; Он же. Красная смута. М., 1997. С. 49, 309; Лунеев А. Л. Политическая преступность в России // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 67, 70; Он же. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1999. С. 181; Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11-12. С. 109-113.

³ Фельдман М. А. Рабочие Урала в 1914-1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10.

⁴ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 78.

Социальная атмосфера характеризовалась, с одной стороны, героическим пафосом, а с другой, милитаризацией и политизацией общественного сознания¹. Историки отметили нарастание страха в обществе, который порождала война. А. С. Ахиезер говорил о превалировании в социуме «безмолвствующего большинства»². Сегодня много места уделяется рассмотрению влияния российского менталитета на общественные настроения. Исследователи ставят ход Гражданской войны в зависимость не только от сиюминутных задач, но и от «генетического кода» нации, менталитета россиян. Однако этот вопрос в литературе только поставлен, но еще далек от решения. В период войны, считают авторы, рациональное и этическое поведение сменилось стихийным, механическим, жестоким. Исследователи подчеркивают воздействие войны на глубинные основы общества, когда враг извне переместился внутрь страны и понятия «свой–чужой» потеряли определенность, создались условия для формирования иного мировосприятия, не характерного для традиционного менталитета.

Россиянам всегда были чужды корпоративные интересы, но в то же время неприемлемым являлось и невнимание властей к нуждам и чаяниям простых людей, которым хотелось установления справедливого порядка и прочного мира. Другое дело, что под воздействием вооруженного противостояния многим показалось, что мирные проблемы можно решать военными методами. Сегодня заметна тенденция рассмотрения общественной атмосферы периода Гражданской войны под воздействием милитаризации массового сознания, происходившей из-за проникновения в гражданскую среду психологии комбатанта. Исследователи уверены, что советская ментальность складывалась постепенно³. Революция и война изменили характер россиян: они стали жестче. Исследователи уловили противоречивость общественных настроений в 1918-1921 гг., поставили на повестку дня изучение самоопределения граждан, рассмотрение соотношения ментальной и социальной доминанты в поведении людей, приблизились к анализу серьезной перестройки социума, что возможно на уровне междисциплинарных исследований. Наиболее перспективно выглядит тенденция рассмотрения Гражданской войны не как противоборства политических сил, а как конфликта глобального, затронувшего все сферы жизни общества — экономику, политику, духовность.

¹ Стецура Ю. А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-х–30-х годов. Екатеринбург-Пермь, 1995; Ямщиков С. В. Социокультурные и психоментальные доминанты гражданской войны // Гражданская война и культура. М., 1996. С. 13-16; Лившин А. Я. и др. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России. 1917-1927 // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 99.

² Ахиезер А. С. Мифология насилия в советский период (возможные рецидивы) // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 85; Исаев И. А. Революционная психология и революционная законность // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 35; Рыбаков С. В. Политические и социально-психологические особенности Гражданской войны // Судьбы России: исторический опыт XX столетия: Докл. 30-й Всерос. конф. Екатеринбург, 1998.

³ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000; Квашонкин А. В., Лившин А. Я. Послереволюционная Россия. М., 2000. С. 198-208; Футорянский Л. И. Воздействие демократических революций на быт и нравы казачества России // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 39-54; Канышев В. В. Приспособление ради выживания (Мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Там же. С. 98-115; Степанов А. И. «Классовый паек» и социальная мобильность творческой интеллигенции в годы революции и гражданской войны // Там же. С. 116-124; Он же. Психологические и этнокультурные последствия массового террора 1917-1922 // Революция и человек – социально-психологический аспект. М., 1996. С. 201-223; Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм в XX в. // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29-45; Семенов В. Л. Аксиоматическая и психоментальная интерпретация победы большевиков в гражданской войне в России // Гражданская война и культура. М., 1996. С. 16-18; Чураков Д. О. Аксиоматическая природа гражданской войны и причины побед левых сил // Там же. С. 22-24.